

АПЕЛЛЯТИВНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕРМИНОВ РОДСТВА В РУССКОЙ И КАБАРДИНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

М. Ю. Мурзаканова

Кабардино-Балкарский государственный университет

VOCATIVE USE OF KINSHIP TERMS IN RUSSIAN AND KABARDIAN CULTURES

M. Yu. Murzakanova

Kabardino-Balkarian State University

Аннотация: статья посвящена анализу терминов, обозначающих родство, в русской и кабардинской лингвокультурах, которые на современном этапе тесно взаимодействуют в условиях контактного билингвизма. Это взаимодействие, что не менее важно, осуществляется под влиянием интернет-культуры, которое характеризует культурный переход из XX в XXI в. Анализу подвергаются некоторые основные лексические единицы искомой терминосистемы, т. е. слова, обозначающие лиц, связанных прямыми (кровными) родственными отношениями. Выявлена возможность их использования не только как референтных терминов, указывающих на конкретного родственника, но и имен, используемых в апеллятивной функции. Показано, что реализация этой функции зависит от культурных традиций, коммуникативного поведения и речевого этикета представителей конкретного (кабардинского) этноса. Установлено, что в условиях кабардино-русского двуязычия (особенно контактного билингвизма) русский язык приобретает особую значимость, выступая в качестве языка-донора и обогащая тем самым терминосистему кабардинского языка как исконно русскими лексическими единицами для их использования в референтной функции, так и разнообразными морфологическими средствами, используемыми в определенных прагматических целях коммуникации. Исследование показало, что в кабардинском языке в отличие от русского практически отсутствуют диминутивы, реализующие уменьшительно-ласкательную функцию. Продемонстрировано, что русский язык тем самым создает условия для осуществления успешной межкультурной коммуникации представителей двух этносов, а также положительных изменений в речевом этикете носителей разных языков и культур в соответствии с реалиями настоящего времени. Проведенное исследование также выявило любопытную реализацию закона языковой экономии (А. Мартине): кабардинский язык вместо экономии собственных ресурсов (упрощения формальной структуры, т. е. изобретения более простых в фонетическом отношении терминов) обращается к РЯ, заимствует и ассимилирует его термины.

Ключевые слова: родство, восходящая линия, категоризация, апеллятивы, коммуникативное поведение.

Abstract: the article is devoted to the analysis of kinship terms in Russian and Kabardian cultures, which are, currently, closely interacting in conditions of contact bilingualism. This interaction, which is important, is carried out under the influence of Internet culture, which characterizes the cultural transition from the 20th to the 21st centuries. Some basic lexical units of the lexical system are analyzed, i.e. words denoting persons related by direct (blood) relationships. The possibility of their use not only as referent terms indicating a specific relative, but also as names used in the vocative function has been revealed. It is shown that the implementation of this function depends on the cultural traditions, communicative behavior and speech etiquette of the representatives of the particular (Kabardian) ethnic group. It has been established that under the conditions of Kabardian-Russian bilingualism (especially contact bilingualism), the Russian language acquires special significance, acting as a donor language and thereby enriching the terminology system of the Kabardian language with both native Russian

lexical units for their use in the referent function, and with various morphological means used for certain pragmatic purposes of communication. The study showed that in the Kabardian language, unlike Russian, there are practically no diminutives to implement the diminutive function. It has been demonstrated that the Russian language thereby creates conditions for the successful intercultural communication between representatives of the two ethnic groups, as well as positive changes in the speech etiquette of speakers of different languages and cultures in accordance with the current realities. The study also revealed the special implementation of the law of linguistic economy (A. Martinet): the Kabardian language, instead of simplifying its lexical units (simplifying the formal structure, i.e. inventing terms that are phonetically simpler), turns to the Russian language, borrows and assimilates its kinship terms.

Key words: kinship, ascending lineage, categorization, vocatives, communicative behavior.

Введение

Термины родства, как известно, находятся в сфере интересов многих наук, в том числе биологии (генеалогии), социологии, этнологии, культурологии. Вместе с тем именно языковые факты, связанные с их исследованием, имеют, по мнению С. М. Толстой, первостепенное значение, поскольку отношения родства являются одной из ключевых семантических категорий языка и традиционной культуры [1, с. 8 и далее]. Отсюда цель этой статьи заключается в кратком сравнительном анализе языковой категоризации родства в двух лингвокультурах, а также специфике функционирования этих терминов в русском и кабардинском языках (далее – РЯ и КЯ соответственно) в условиях русско-кабардинского двуязычия. Актуальность исследования заключается в недостаточной изученности лингвистических аспектов формирования терминосистемы родства КЯ, а также отсутствия сравнительных работ, исследующих особенности функционирования терминов родства в условиях билингвизма. Если мы имеем интересные наблюдения относительно обращений, бытующих в семейном общении в русской культуре (см., например, [2]), то специальные исследования, посвященные лингвистическому аспекту этой проблемы в контексте кабардинской культуры и речевого этикета, представлены в основном с точки зрения этнографии и истории [3]. Подчеркнем при этом, что нас будут интересовать как их использование в качестве референтных имен, так и функции апеллятивов [4].

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили термины, обозначающие родственные отношения в русском и кабардинском языках. В работе нас интересуют только термины, которые составляют нуклеарную часть, т. е. ядро данной терминосистемы, как то: *отец, мать, сын, дочь, дедушка, бабушка, внук, внучка* и их корреляты в КЯ. В соответствии с целью работы одна из задач исследования состоит в рассмотрении функционирования этих терминов как в референтной, так и апеллятивной функциях. Изучение последней предполагает исследование их функционирования в текстах. Термины родства, используемые в РЯ в качестве

апеллятивов, взяты нами из разнообразных источников, в том числе и из словарей. Что касается материала кабардинского языка, мы такими источниками не располагаем, поэтому мы воспользовались обширной картотеккой устного кабардинского дискурса, составленной нашим научным руководителем Р. С. Кимовым.

Методы исследования включают лингвокультурологический анализ исследуемых лексем. При выявлении формальной структуры изучаемого материала мы также прибегали к морфологическому анализу (при выяснении морфемного состава); к словообразовательному анализу при изучении специфики присоединения диминутивов русского языка к исконно кабардинским лексемам.

Результаты исследования и обсуждение

Начнем с РЯ, поскольку он является для нашего исследования фоновым и, что не менее важно, всегда служит метаязыком описания материала КЯ. Более того, в Кабардино-Балкарской Республике он является одним из государственных (титულных) языков (наряду с кабардино-черкесским и карачаево-балкарским языками). Одновременно мы попытаемся показать, что РЯ играет роль языка – донора как при формировании искомой терминосистемы, так и при «создании» условия для их использования в качестве обращений.

Известно, что термины родства в РЯ делятся на имена кровных родственников и свойственников, т. е. тех, которые приобретают/приобрели статус родственников в результате узаконенных отношений, т. е. брака. Кроме этого, с чисто языковой с точки зрения изучаемые термины делятся на референтные, которые функционируют для обозначения конкретного родственника (*отец, мать, брат, сестра*), и апеллятивы, единицы, которые используются при обращении к определенному родственнику [4]. Кроме этого, в русской лингвокультуре различают родство по прямой и по боковой линии, а также по восходящей и нисходящей линиям (см. классификацию в [5]). Все указанные параметры и принципы рубрикации этих терминов в русской лингвокультуре в основном справедливы и для КЯ. Приведем в соответствии с этой

классификацией некоторые наиболее распространенные термины РЯ, обозначающие: (а) **родство по прямой линии** (может быть восходящей и нисходящей) – *отец, мать, сын, дочь, дедушка, бабушка, внук, внучка* и т. д.; (б) **родство по боковой линии** – *братья и сестры, дядья, тетки и племянники* [5]. Рассмотрим некоторые русско-кабардинские корреляции из списка (а), объединив термины попарно: отец – *адэ*; мать – *анэ*; сын – *кьуз*; дочь – *пхьу*; дед – *дадэ*; *бабушка* – *нанэ*. На этом корреляции заканчиваются, поскольку в КЯ не существует универба с обобщенным значением *внуки* (ср. англ. *grandchildren*): в качестве возможного варианта используется фраза *ди быным я быныж*, букв. дети наших детей). Отметим, что в КЯ не существует грамматической категории рода и гендерных различий при их обозначении не существует (ср. *внук, внучка*). Здесь уместно привести мысли В. Л. Муравьева, одного из фундаментальных и плодотворных исследователей теории лакун в отечественном языкознании, который в свое время отметил, что «отсутствие в одном из языков общего родового термина далеко не всегда свидетельствует об «отсталости», «недоразвитости» этого языка, а также не всегда является пережитком первобытного мышления, еще не выработавшего абстрактные категории» [6, с. 37]. Возвращаясь к категоризации отношения родства в КЯ, подчеркнем, что актуальным принципом категоризации внуков является их разграничение по важному основанию – по какой линии они являются внуками, *viz.* **по линии дочери или сына**. Отсюда в КЯ мы имеем два термина: **кьуз-ры-лху** в значении *внуки по линии сына* и **пхьу-ры-лху** – *внуки по линии дочери*. Рассмотрим морфемный состав термина **кьуз-ры-лху**, который состоит из корневой морфемы *кьуз-* в значении *сын*; **ры** – соединительный элемент и **лху** – финальная форма глагола *лхуэн* – *родить*. Следовательно, значение лексемы можно передать на русский как букв. *тот (те), кто рожден от сына*, букв. «сынорожденный». К такой категории в КЯ относятся все дети (любого пола) по линии сына. Все дети по линии дочери обозначаются лексемой **пхьу-ры-лху**, букв. «дочерожденный». При расширительном толковании этой категории сюда причисляют потомков первого поколения от женщин, принадлежащих к данному роду (носящих эту фамилию). Иными словами, все потомки этих женщин входят в категорию «дочерожденный». Такая языковая категоризация – разграничение внуков на «сынорожденный» и «дочерожденный» – имеет уходящие корнями в язычество глубокие основания, которые мы не имеем возможность подробно обсудить. Но укажем при этом, что кабардинцы с особым благоговением и уважением всегда относились и относятся к «членам» категории «дочерожденных»: когда они приезжают в гости к родственникам

по материнской линии, им предоставляется самое почетное место в доме, самые лакомые куски предназначаются для них, их холят и лелеют, все внимание сосредотачивается на них. Это особая категория родственников в системе родственных отношений. В КЯ существует поговорка, которая в буквальном переводе звучит как «когда в твоём доме появляются «дочерожденные», верховный языческий бог (каб. Псагхьэ – верховный Бог) плачет от умиления, тем самым требуя от принимающих родственников повышенного к ним внимания. При этом в КЯ лексемы **кьуз-ры-лху** – *внуки по линии сына* и **пхьу-ры-лху** – *внуки по линии дочери* никогда не употребляются в качестве апеллятива: дедушка и бабушка к внукам обращаются либо по имени, либо дают им ласкательные имена, милые и смешные прозвища. Вместе с тем в соответствии с нормами и традициями общения, принятыми в русской лингвокультуре, которые в свое время И. А. Стернин обозначил обобщенно как «коммуникативное поведение» [7], вполне нормативно старшее поколение может обращаться к ним как *внук/внучка* в разных вариантах в качестве апеллятивов, ср. разнообразие апеллятивов с этими словами: *внучек, внучок, внучонок; внучка, внучечка, внученька*. Приведем примеры из русской классики (все примеры взяты из [8]):

Внучок, родной внучок, – Алевтина Геннадьевна так и села на рядом стоящую скамейку, и всхлинула. «Здравствуйте, внучек и внучка», – сказал он, протянув нам руку.

– А хоть бы затем, внучка, чтоб суметь понять речи братца и ответить на них порядком.

Прокомментируем причины «неупотребления» указанных терминов КЯ в апеллятивной функции. Нетрудно видеть, что кабардинские термины в буквальном значении «сынорожденные» и «дочерожденные» представляют собой многоморфемные единицы (на синхронном уровне – по три морфемы, в диахронии, как мы полагаем, они, скорее всего, могут члениваться), которые образуют «клитический комплекс» или просодическое единство с одним ударением, которое в соответствии с акцентными правилами КЯ выступает в данных примерах в качестве энклитиков [9]. Вторая причина заключается, на наш взгляд, в том, что в качестве субститутов этих образований кабардинцы используют другие комплексы *кьуз цыклу*, букв. «маленький сын» и *пхьу цыклу*, букв. «маленькая дочь». Лексема *цыклу* – прилагательное в значении *маленький*; присоединяя его к словам *кьуз сын* и *пхьу дочь*, КЯ образует формы исключительно для обращения к внукам, что бывает редко. Эти комбинации, несмотря на раздельное написание, также представляют собой, на наш взгляд, фонетическое слово (просодическое единство). Семантика этого прилагательного при этом настолько широка (всеобъ-

емлюща) что позволяет считать это прилагательное в какой-то степени полуаффиксом. Важно при этом заметить, что эти фразы в буквальном переводе с КЯ применимы в качестве аpellятивов исключительно к **внукам**, а не к своим **детям**. В коммуникативном поведении кабардинцев считается неприличным показывать свои эмоции по отношению к детям. Что касается внуков, то здесь допустимы некоторые послабления (см. выше). Итак, в КЯ отсутствуют фонетически краткие аpellятивные формы обращения к внукам. Однако при посещении образовательных учреждений, начиная от детского сада, при оформлении любых документов в условиях русско-национального контактного двуязычия (билингвизма) практически все носители КЯ (за исключением отдельных языковых пуристов) пошли по пути облегчения и стали использовать фонетически ассимилированные варианты этих русских терминов (ср. с **вну́кыр** къэ́лгуащ – *мой внук приехал*; с **вну́чкэр** университетым щэ́тIысхьащ – *моя внучка поступила в университет*). Здесь стоит обратить внимание на один важный момент. Известно, что в соответствии с законом языковой экономии (А. Мартине) любой «язык» в общем смысле стремится свести до минимума формальную структуру. Здесь же мы наблюдаем интересное явление – вместо экономии собственных ресурсов (т. е. изобретения более простых в фонетическом отношении терминов) он обращается к РЯ и ассимилирует его термины (ср. **кьуэ-ры-лху** и **внук**). Но при этом любопытно, что в КЯ эти заимствованные из РЯ термины в значении *внук, внучка* никогда не используются в аpellятивной функции – даже в качестве уменьшительно-ласкательных обращений. Вспомним при этом, что в РЯ наблюдается достаточная вариативность в использовании диминутивов при обращении к внукам.

Далее рассмотрим термины родства в значении *бабушка* в обоих языках. Для удобства исследуем только примеры с лексемой *бабушка* (*дедушка* имеет аналогичные характеристики в смысле речевого «поведения»). Итак, в русском языке *бабушка* в общем случае используется как референтное имя и аpellятив, ср. (1) <моя> *бабушка живет в Москве* и (2) *бабушка, покорми меня, пожалуйста*. В КЯ слову *бабушка* соответствует лексема *нанэ*. Ср. примеры КЯ и их русские переводы:

(3) Нанэ хадэм итщ, дадэ пщIантIэм дэтщ.
Бабушка в огороде, дедушка во дворе.

Нетрудно видеть, что в этом примере *нанэ* используется как самостоятельное референтное имя.

(4) Нанэ, кхэ́лэ, таурыхь кьы́зжеIэ.
Бабушка, расскажи, пожалуйста, сказку.

Здесь *нанэ* – *бабушка* – используется в аpellятивной функции, ср. (1) и (2) из РЯ.

Итак, примеры (3) и (4) показывают, что и по содержанию, и по речевому поведению лексемы *нанэ* и *бабушка* проявляют большое сходство, т. е. они используются и как референтные имена, и как обращения.

Рассмотрим теперь функционирование относительно недавних заимствований *мамэ* и *панэ* и их языковое «поведение» в кабардинской лингвокультуре. При этом в функции обращения в настоящее время кабардинцы используют ассимилированные русскоязычные термины, ср.: *мамэ* и *панэ* (в кабардинском написании). До начала XX в. (до заимствования терминов *мама* и *пана*) существовали *нанэ* в значении *мать* и *дадэ* – *отец*, которые использовались как указатели и как аpellятивы. Однако *нанэ* *бабушка* и *дадэ* *дедушка* под влиянием РЯ, т. е. после заимствования *мамэ* и *панэ*, поменяли сферу референции: они стали использоваться в КЯ только для обозначения дедушки и бабушки как с целью указания, так и аpellятива. Итак, в настоящее время кабардинцы используют заимствованные ассимилированные русскоязычные термины *мамэ* и *панэ* (в кабардинском написании). Как мы уже отметили, в коммуникативном поведении носителей КЯ вплоть до настоящего времени не приветствуется открытое выражение положительных эмоций по отношению к родителям. Первоначально мы полагали, что это общая черта кавказских народов, но, как показывают данные, вопрос требует тщательного изучения на материале Кавказского культурного ареала. Так, при обращении к людям старшего поколения, viz. отцу и матери, дедушке и бабушке в кумыкском языке, как отмечают исследователи, используются исконные «кумыкские» уменьшительно-ласкательные формы [10]. Вместе с тем мир меняется, мы живем в эпоху глобализации, меняется коммуникативное сознание и коммуникативное поведение носителей КЯ. Людям свойственно выражать эмоции в том числе и по отношению к своим родителям. Видимо, этот факт способствовал тому, что термины родства КЯ стали «принимать» русские диминутивы, ср. лексемы каб. *нанэ* → *нанулэ*, *нанулечкэ* (русс. *бабуля, бабулечка*) и *дадэ* → *дадулэ*, *дадулечкэ* (русс. *дедуля, дедулечка*). Более того, современная кабардинская молодежь (особенно лица женского пола) и в устной, и в письменной речи использует заимствованные русские термины родства в таком виде, в каком они существуют в русском языке, и приспособливают их в функции обращения, ср. *бабуля, бабулечка* и *дедуля, дедулечка*. Таким же образом «ведут» себя и кабардинские корреляты русских лексем в значении *мама* и *пана*. В РЯ лексема *мама*, как известно, представлена большим количеством синонимов: *маман, маманюшка, маманя, мамаша, мамашенька, мамашечка, маменька,*

мамонька, мамочка, мамулечка, мамулька, мамуля, мамунька, мамусенька, мамусечка, мамуся, мамушка, матынька и т. д. Эти термины в РЯ можно рассматривать в качестве стилистических синонимов референтного имени *мама* или *мать*, выражающих уменьшительно-ласкательное значение. Важно то, что практически все эти синонимы в РЯ могут так или иначе служить апеллятивами. До настоящего времени, до отсутствия необходимости использовать достижения «киберкультуры» (в виде всевозможных гаджетов), в КЯ русские заимствования *мама* и *papa* не использовались в виде уменьшительно-ласкательных обращений. Приведем некоторые единицы из этого синонимического ряда, используемого для выражения эмоций по отношению к матери в современном КЯ (ср. каб. *мамэ* → *мамочкэ, мамулечкэ, мамулэ, мамусэ*). При этом возникает вопрос – почему из ряда русских синонимов КЯ отдает предпочтение одним терминам при игнорировании других. Пока что мы можем дать следующий ответ. В этих случаях заимствующий язык (КЯ) выбирает **те диминутивы**, которые по своему формальному облику не «заставляют» артикуляционный аппарат КЯ носителей перестраиваться, т. е. сравнительно легко могут ассимилироваться (ср. игнорирование таких суффиксов, как -еньк-; -оньк-; -юшк и т. д.).

Выводы

Итак, мы провели сравнительный анализ нескольких терминов родства в русском и кабардинском языках. Выявлено, что терминсистема, выражающая родственные отношения, в нуклеарном смысле носит универсальный характер (ср. мать, отец, сын, дочь и их универсальные кабардинские корреляты). Национальное своеобразие, идиоэтнические принципы категоризации родства «начинаются» при выходе за пределы нуклеарной семьи (ср. внуки, внучки, бабушка, дедушка и т. д.). Нами также через анализ терминов родства выявлена этноспецифика коммуникативного поведения представителей разных лингвокультур. Оказалось, что практически все термины родства, как правило, в кабардинской лингвокультуре не используются в качестве апеллятивов. Сравнительный анализ искомой терминсистемы позволил выявить интересную черту КЯ с точки зрения лексической типологии – практически полное отсутствие диминутивов в системе терминов родства как по отношению к старшему, так и младшему поколению. Благодаря тому, что КЯ функционирует в условиях контактного билингвизма – в настоящее время мы живем в эпоху глобализации и бурного развития киберкультуры, viz. цифровизации в широком смысле этого слова – РЯ, будучи языком межнационального общения, с неизбежностью выступает в качестве донора при категоризации окружающего мира в КЯ.

В заключение отметим, что проблемы, затронутые в статье, актуальны для выяснения вопросов этнического мировидения, предопределяющего специфику формирования картины мира в конкретном языке. Вместе с тем параллельно нашему исследованию мы обнаружили, что студенты – носители кабардинского языка плохо знакомы с русской обрядовой культурой и крестильной терминологией. При этом, как известно, это очень важный и значимый пласт православной культуры, знакомство с которым существенным образом будет способствовать успешной межкультурной коммуникации в условиях исследуемого русско-кабардинского контактного билингвизма. Отсюда в качестве перспективного направления мы бы предложили исследование, помимо терминов родства, ритуалов, обрядов, крестильную терминологию. Кроме этого, было бы важно провести исследование функционирования терминов родства/свойства на материале языков народов Северного Кавказа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстая С. М. Категория родства в этнолингвистической перспективе (вместо предисловия) // Категория родства в языке и культуре / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2009. 312 с.
2. Бурас М. М., Кронгауз М. А. Обращения в русском семейном этикете: семантика и прагматика // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 121–131.
3. Бгажноков Б. Х. Социальная организация семьи. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2010. 128 с.
4. Термины родства // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>
5. Моисеев А. И. Термины родства в современном русском языке // Научные доклады высшей школы, «Филологические науки». 1963. № 3. С. 120–133.
6. Муравьев В. Л. Лексические лакуны (на материале лексики французского и русского языков). Владимир, 1975. 96 с.
7. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. М.: Флинта: Наука, 2006. 238 с.
8. Карта слов: онлайн-словарь. URL: <https://kartaslov.ru/цитаты-из-русской-классики>
9. Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2000.
10. Алиева С. А., Гаджаихмедов Н. Э. Особенности обращений к лицу в русском и кумыкском языках (на материале терминов родства) // Мир науки, культуры и образования. 2019. № 1 (74). С. 360–363.

REFERENCES

1. Tolstaya S. M. Kategoriya rodstva v etnolingvističkoj perspektive (vmesto predisloviya) [Category of kinship in an ethnolinguistic perspective (instead of a preface)]. In: *Kategoriya rodstva v yazyke i kul'ture*. Otv. redaktor S. M. Tolstaya. M.: Indrik, 2009. 312 p.

2. Buras M. M., Krongauz M. A. Obrashcheniya v russkom semejnem etikete: semantika i pragmatika [Addresses in Russian family etiquette: semantics and pragmatics]. In: *Voprosy yazykoznaviya*. 2013. No. 2. Pp. 121–131.
3. Bgazhnokov B. H. Social'naya organizaciya sem'i [Social organization of the family]. Nal'chik: Izdatel'skij otdel KBIGI, 2010. 128 p.
4. Terminy rodstva [Kinship terms]. In: *Vikipediya* [Wikipedia]. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki>
5. Moiseev A. I. Terminy rodstva v sovremennom russkom yazyke [Terms of kinship in the modern Russian language]. In: *Nauchnye doklady vysshej shkoly, «Filologicheskie nauki»*. 1963. No. 3. Pp. 120–133.
6. Murav'ev V. L. Leksicheskie lakuny (na materiale leksiki francuzskogo i russkogo yazykov) [Lexical gaps (based on the vocabulary of French and Russian languages)]. Vladimir, 1975. 96 p.
7. Prohorov YU. E., Sternin I. A Russkie: kommunikativnoe povedenie [Russians: communicative behavior]. In: M.: Flinta: Nauka, 2006. 238 p.
8. Karta slov: [Online dictionary]. Available at: <https://kartaslov.ru/citaty-iz-russkoj-klassiki>
9. Plungyan V. A. Obshchaya morfologiya. Vvedenie v problematiku [General morphology. Introduction to the problem]. M., 2000.
10. Alieva S. A., Gadzhiahmedov N. E. Osobennosti obrashchenij k licu v russkom i kumyckom yazykah (na materiale terminov rodstva) [Features of addresses to a person in Russian and Kumyk languages (based on kinship terms)]. In: *Mir nauki, kul'tury i obrazovaniya*. 2019. No. 1 (74). Pp. 360–363.

Кабардино-Балкарский государственный университет

Мурзаканова М. Ю., аспирант кафедры английско-го языка

E-mail: mila.murzakanova@mail.ru

Поступила в редакцию 10 сентября 2023 г.

Принята к публикации 26 декабря 2023 г.

Для цитирования:

Мурзаканова М. Ю. Апеллятивное использование терминов родства в русской и кабардинской лингвокультурах // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 1. С. 47–52. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2024/1/47-52>

*Kabardino-Balkarian State University
Murzakanova M. Yu., Post-graduate Student of the
English Language Department
E-mail: mila.murzakanova@mail.ru*

Received: 10 September 2023

Accepted: 26 December 2023

For citation:

Murzakanova M. Yu. Vocative use of kinship terms in Russian and Kabardian cultures. Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2024. No. 1. Pp. 47–52. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2024/1/47-52>